

маленький бультерьер

мне снился маленький бультерьер
и я его очень боялся
пустыня попойка и сквер
и жизнь сквозь невытые пальцы

и снег что похож на тюрьму
в которой все люди ослепли
ведущий их компас ко дну
и голубь оставленный в клетке

и был разговор обо всём
но мало кто знал что ответить
и ночью и утром и днём
ломались кленовые ветки

дно колодца

тихо падает мёртвый камень
дно колодца привычно к смертям

проклинаяющий небо и пламя
я иду по затёртым следам

и во мгле беспощадны морозы
не согреться с Тобой у костра
небо нынче мертво и беззвёздно
мир из проклятого серебра

я как Каин в одном и Авель
я как серый оплётанный лёд
даже музыка не спасает
и поэзия не бережёт

сквозь смех и камни стонущих пород...

сквозь смех и камни стонущих пород,
на переправе, где все люди тонут,
стоит упрямо истощённый взвод,
желая света или просто комы.

и воздух спёрт, а тина давит сверху.
глухие дети выпали из рук.
и огонёк далекий, ясный меркнет,
и доедает жизнь свою пастух.

он разменял надежду холостую
на потроха и иллюзорный дом.
слепой художник в сотый раз рисует
отвесную скалу на дне морском.

икона(М.М.)

храни в себе свою икону.
икона – Мать, икона – Хлеб.
но я рукой тебя не трону,
не подойду к тебе я, нет,

я не верю в жизнь до смерти,
а после и подавно я

не увижу,
только черти
и вновь зовущая змея.

о, если б знала ты, как страшно,
как жутко в вымершем строю.
вот здесь – на празднике вчерашнем
я вспоминаю жизнь свою.

и пробегает дрожь по коже,
застывший ворон спит во льду...
храни себя, ведь ты дороже
всего, что видел я в аду.

всё в чёрном мире так черно

всё в чёрном мире так черно
а белый мир давно растлился
растоптано ногой зерно
немытой и горят страницы

и образ скверный на стене
и я не жду давно попутки
о боже что за грязь во мне
не отпускает ни на сутки

то человеческий инстинкт
насиловать и размножаться
отправь меня в загробный мир
мне надоело с этим драться

я так устал что крутят порно
в кинотеатре блеклых дней
о прокажённый детством город
мой свет отравленных полей

кино больной земли

а потом мы плыли в поднебесье
но ни дьявола ни бога не нашли
я сидел в шатающемся кресле
и смотрел кино больной земли

умерли те двое истреблённых
что питались хлебом и водой
и в пустынном обожжённом поле
мир их обратился пустотой

тина горькая из провода сочилась
и песок сквозь пальцы исчезал
а земля по-прежнему крутилась
запирая пленников в подвал

выжжена жизнью земля (Машечке Малиновской)

выжжена жизнью земля
потомкам оставить нечего
обними ты меня
ангел в теле девичьем

я умереть не смог
храм оказался безбожен
дай кислорода глоток
ты одна только можешь

я постою и пройду
как и положено - мимо
останься в моём саду
самой живой и красивой

пусть неизменен вектор
свыше написан план
буду тебе заветной
лучшим из каторжан

буду сдыхать без влаги
петли вязать из петель
только не верь мне ангел
мне никогда не верь

боль этой жизни бездонна
бог извращён и раздет
и я негодяй и подонок
просто увидел Свет

во всеуслышание молчит палач

во всеуслышание молчит палач
нет у него ни головы ни неба
меня квадратом чёрным обозначь
я каторжанин обнажённый беглый

и на камнях не вырастет цветок
жёлтая плесень тянет ржавый якорь
растёт полынь у выцветших дорог
нет в этом поле первородных маков

и дети здесь рождаются без глаз
в утробе старой прокажённой девы
нет света и тяжёлый пласт
гнетёт её поношенное тело

деревья выцвели деревьям всё равно
чего вы ждёте и куда хотите
звучит беззвучно омертвевшее стекло
не выдержав карающих открытий

за стеклом

по воде не ходил
по камням только ползал
и глотал чёрный ил
не надеясь на звёзды

был написан крестом
брошен в топку до кучи
мотылька за стеклом
отпусти и не мучай

пусть летит в никуда
всё равно жить так мало
мир из синего льда
грязь земли растоптала

слышишь
ветер затих
и внутри душно-колко
то невидимый крик
ледяного ребёнка

засыпает змея
разлагается слово
все простите меня
я устал быть виновным